Магарил-Ильяева Т. Г. Поиски путей преодоления косной оболочки мира в ранних текстах Ф. М. Достоевского / Т. Г. Магарил-Ильяева // Научный диалог. — 2019. — № 7. — С. 156—169. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-7-156-169.

Magaril-Ilyaeva, T. G. (2019). Search for Ways to Overcome the Rigid Shell of the World in Early Texts by F. M. Dostoevsky. *Nauchnyi dialog, 7:* 156-169. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-7-156-169. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 821.161.1Достоевский.06+82-155
DOI: 10.24224/2227-1295-2019-7-156-169

Поиски путей преодоления косной оболочки мира в ранних текстах Ф. М. Достоевского[1]

© **Магарил-Ильяева Татьяна Георгиевна (2019),** orcid.org/0000-0001-7521-1898, научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф. М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия), vutka@yandex.ru.

Рассматриваются темы, поднимаемые юным Ф. М. Достоевским в его переписке с братом Михаилом 1838—1839 годов. Автор останавливается на том, что именно в этих письмах дискурсивно выражена центральная тема всего раннего творчества писателя — поиски путей преодоления косной оболочки мира. Приводятся размышления Достоевского об окружающем его мире как о мире, скованном косной оболочкой материи, не пропускающей истинный божественный свет и не дающей человеку соединиться с этим светом. Отмечается, что такое понимание мироустройства соотносится с центральными философскими идеями того времени, Достоевский разделяет взгляды мыслителей своей эпохи, выбравших для себя путь духовных поисков в противовес позитивистскому знанию. Подчеркивается, что Достоевский принимал позицию тех мыслителей, кто полагает истинным познание не разумом, а чувствами, то есть сердцем. Этим объясняется один из центральных мотивов всего раннего творчества Достоевского — тема живого сердца. Также автор статьи обращается к письмам и к некоторым фрагментам выполненного Достоевским перевода «Евгении Гранде» Бальзака, чтобы показать понимание Достоевским роли поэта: вдохновение поэта оказывается сродни небесному откровению, которое прорывает косную материю и соединяет человека с Богом.

Ключевые слова: раннее творчества Ф. М. Достоевского; письма Ф. М. Достоевского; преодоление косной оболочки мира; тема сердца; человек есть тайна; Карл Эккартсгаузен.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-го проекта № 18-012-90023.

1. Введение

Необходимость поиска оснований творчества Ф. М. Достоевского за пределами психологического или социального плана впервые по-настоящему отчетливо была заявлена на рубеже XIX и XX веков [Вл. Соловьев, 1988; Вяч. Иванов, 1987; Мережковский, 1903; Бердяев 2016 и др.]. Именно тогда духовная составляющая творчества писателя и стала доминантой при анализе его произведений. В советский период настал неизбежный спад исследовательской активности в этой области, но тем не менее продолжали появляться работы, так или иначе затрагивающие различные аспекты духовного плана творчества Достоевского. Стоит отметить, что в большинстве исследовательских работ, в том числе современных [Есаулов, 1998; Касаткина, 2015; Милош, 1992; Степанян, 2010; Тихомирова, 2012 и др.], в которых интерес к теме духовных оснований в творчестве Достоевского снова начал набирать силу, все внимание сосредоточено на романах Великого Пятикнижия. Раннее творчество анализируется значительно менее подробно, зачастую воспринимается не как самостоятельный период творческого пути, а как «подмалевок» будущих великих романов. В качестве исключения можно назвать лекции Т. А. Касаткиной, где эта тема в разные годы разобрана со всей серьезностью на примере «Двойника», «Хозяйки», «Белых ночей» и «Неточки Незвановой». В большинстве же исследований духовные искания молодого Достоевского, если и признаются учеными, то не подвергаются ими специальному анализу как часть мировидения писателя, а сводятся к беглому пояснению, что ум юного Достоевского был склонен к мистицизму, как и у многих молодых людей, то есть исследователи не раскрывают суть явления, а ищут его поверхностные причины. В частности, среди причин указываются впечатления восприимчивого молодого человека от углубленного чтения литературы романтизма и готики. Так в диссертации Э. А. Евтушенко «Мистический сюжет в творчестве Ф. М. Достоевского» читаем: «… ранний романтизм Ф. М. Достоевского был обусловлен повышенной впечатлительностью и прогрессирующей мнительностью, еще “детской”, но уже глубокой религиозностью и сильным влиянием романтической традиции» [Евтушенко, 2002, с. 37]. Автор признает, что полученные впечатления были продуманы и прочувствованы Достоевским, но дальше попыток объяснить причины появления мистических настроений анализ не идет.

В этой работе нам хотелось бы поговорить о раннем периоде философских исканий молодого Достоевского как о самоценном этапе его жизни, а не только как о предвестнике великих произведений будущего. Наша задача — рассмотреть не абстрактное увлечение молодого Достоевского

мистическим романтизмом, а суть его размышлений, выявить их смысловое ядро, постараться понять глубину образов его ранних текстов. Именно поэтому мы в своем исследовании подробно рассмотрим переписку совсем еще юного Достоевского с его братом Михаилом, а также для более глубокого раскрытия темы, интересовавшей будущего писателя, обратимся к очень важной идее романа О. Бальзака «Евгения Гранде», перевод которого стал первой опубликованной работой Достоевского.

2. Косность материального мира и возможности ее преодоления

Центральную мысль практически всех ранних текстов Достоевского можно сформулировать как поиски пути преодоления косной оболочки мира. Эта мысль будет лежать в основе всего художественного творчества 40-х годов, но с наибольшей очевидностью она будет выражена в письмах юного Достоевского к брату[1]. Собственно, в известном письме Достоевский еще в возрасте 17 лет формулирует свое ощущение от нахождения в мире именно так: *Но видеть одну жесткую оболочку, под которой томится вселенная, знать, что одного взрыва воли достаточно разбить ее и слиться с вечностию, знать и быть как последнее из созданий ... ужасно!* [Достоевский, 1985, т. 28, с. 50]. Спустя три месяца он пишет: *Я ношусь в какой-то холодной, полярной атмосфере, куда не заползал луч солнечный ...* [Там же, с. 54]. Достоевский чувствует, что истинное существо его побеждено и сковано жесткой, не пропускающей ни тепло, ни свет материей. За этим ощущением стоит четко сформулированное и продуманное мировидение: *Одно только состоянье и дано в удел человеку: атмосфера души его состоит из слиянья неба с землею; какое же противузаконное дитя человек; закон духовной природы нарушен ... Мне кажется, что мир наш — чистилище духов небесных, отуманенных грешною мыслию. Мне кажется, мир принял значенье отрицательное и из высокой, изящной духовности вышла сатира. Попадись в эту картину лицо, не разделяющее ни эффекта, ни мысли с целым, словом, совсем постороннее лицо ... что ж выйдет? Картина испорчена и существовать не может!* [Там же, с. 50].

Нам бы не хотелось привязывать размышления Достоевского к конкретному источнику, к тому же таких источников может быть неограниченное количество, и в каждом из них мы найдем то, что будет совпадать с идеями будущего писателя. Но также в каждом из них будет то, что будет

[1] Раскрытию данной темы в произведениях 40-х годов посвящен ряд работ авто-ра данной статьи, поэтому здесь мы не будем уже обращаться к анализу самих произ-ведений. См., например: [Магарил-Ильяева, 2017, с. 94—106].

конфликтовать с мыслями Достоевского. Любая попытка найти точку опоры для изучения философии писателя вне его собственных текстов будет проблематичной, так как вне опоры на прямые высказывания автора мы никогда не сможем с уверенностью указать верную точку отсчета его размышлений, а главное — мы упустим, что любая мысль осваивается и перерабатывается Достоевским, то есть становится уже его собственной. Тем не менее мы не сможем совсем избежать введения контекста. Он нам понадобится, чтобы прояснить язык образов, который был в ходу в то время. В каждую эпоху, даже в каждом поколении, формируется в определенных кругах (имеется в виду в кругах людей, объединенных общим делом, мыслью, интересом) свой, понятный только им способ описания мира и своих ощущений в нем. Поэтому мы будем использовать контексты именно для того, чтобы показать и лучше понять, что именно говорит Достоевский на языке мыслителей, выбравших духовный путь, ведь именно их язык он и использует.

В России начала XIX века происходит небывалый всплеск интереса к мистической литературе, распространение которой было одной из форм деятельности масонов. В список книг, издававшихся масонами, входили работы Карла Эккартсгаузена, не получившего широкого признания на свой родине, но приобретшего небывалую популярность в России. Даже почтмейстер в гоголевских «Мертвых душах» зачитывается его «Ключом к таинствам натуры». Мы же хотим сосредоточить свое внимание на его последнем труде — «Облако над святилищем» [Эккартсгаузен, 1804]. Эту работу можно назвать пособием по преображению человека. В ней собраны и обозначены наиболее важные для понимания мистического христианства темы, используемые многими мыслителями той эпохи. Эти же темы не в контексте конкретного учения, но в процессе осмысления себя, мира, творчества, Бога будут важны и для Достоевского.

Стоит отметить, что волна сверхчувственного, духовного постижения мира набирает свою мощь именно в век Просвещения, когда «рацио» становится главенствующей силой. Познание мира через сверхчувственное понимается как естественная волна противодействия захвату мира рациональными способами взаимодействия с ним. Именно с этого начинает свой трактат Эккартсгаузен. По мнению философа, когда человечеству показалось, что все постижимо умом, что все возможно вписать в рациональную схему, оно на самом деле только дальше отошло от света истины. «Человеки, обезумленные мнимым своим натуральным разумом! Откуда взяли вы свет, которым других просветить хотите? Не все ли понятия ваши заимствованы от чувственности, которая не доставляет истины, а только

явления её? Всё *познавательное* во времени и пространстве не есть ли *относительное*? Всё, что мы назвать можем истиною, не есть ли истина относительная? Совершенной истины не в сфере явлений искать надлежит. Итак, натуральный ваш разум имеет не существо, а только вид истины и света» [Там же, с. 4]. Органами чувств человек может постигать только верхний слой явлений, которые разрушимы и непостоянны, так как они принадлежат временному материальному миру. В разуме недостаточно собственного света, чтобы он оказался способен увидеть истинный свет нематериального мира. Но в человеке, помимо материальной составляющей, способной взаимодействовать только с временным материальным миром, присутствует в потенции частица истинного света, принадлежащего вечному миру. Активируя эту искру, человек получает возможность контакта с истинным светом. «Высочайшая цель Религии есть внутреннейшее соединение человека с Богом, которое и здесь ещё возможно, но не иначе как посредством раскрытия внутреннего духовного нашего чувствилища, творящего отверстое сердце наше удобным к принятию Бога» [Там же, с. 23]. Экартсгаузен говорит об этой частице света как об органе, так как традиционно считается, что потенциальный божественный свет находится в сердце. Таким образом, только развив в себе орган для постижения сверхчувственного, человек получает доступ к истинному свету. Но пока этот орган и его потенциальный огонь скрыты материальной косной оболочкой, которая и не дает ему разгореться: «Сия кора может в каждом человеке, более или менее, быть совлечена; и чрез то дух получает более свободы, и следовательно более дознания о сверхчувственном, к коему он подходит [Там же, с. 15]. Собственно, вот цель человека — преодолеть материальность, а затем, возродив внутренний свет, получить доступ к истинному свету, в результате чего осуществится преображение. Но разбить косный панцирь можно только через откровение и веру, именно благодаря откровению происходит пробуждение человека.

Мы видим, что Достоевский находится на волне актуальных исканий мыслящих людей той эпохи. Достоевский также уделяет особое внимание вопросам познания мира, которые лежат в основе конфликта рационального и сверхчувственного взглядов. Вот еще цитата из уже приведенных выше писем: *Познать природу, душу, Бога, любовь ... Это познается сердцем, а не умом. Ежели бы мы были духи, мы бы жили, носились в сфере той мысли, над которою носится душа наша, когда хочет разгадать ее. Мы же прах, люди должны разгадывать, но не могут обнять вдруг мысль. Проводник мысли сквозь бренную оболочку в состав души есть ум. Ум — способность материальная ... душа же, или дух, живет мыслию, которую*

нашептывает ей сердце ... Мысль зарождается в душе. Ум — орудие, машина, движимая огнем душевным ... Притом <...> ум человека, увлекшись в область знаний, действует независимо от ***чувства****, след<овательно>, от* ***сердца****. Ежели же цель познания будет любовь и природа, тут открывается чистое поле* ***сердцу*** *... Не стану с тобой спорить, но скажу, что не согласен в мненье о поэзии и философии ... Философию не надо полагать простой математической задачей, где неизвестное — природа <...> чтобы вывести верный результат из этой разнообразной кучи, надобно подвесть его под математическую формулу. Вот правила нынешней философии ...* [Достоевский, 1985, т. 28, с. 53]. Мы намеренно опустили здесь часть цитаты, в которой Достоевский говорит о роли поэта в познании мира, так как обратимся к этой теме чуть ниже. В остальном же Достоевский говорит о сути двух способов познания мира. По его мнению, хотя наши истинные чувства сердца скованы панцирем материи, но постигать настоящий мир мы можем только через них. С помощью разума же нам доступны только математические формулы, которые не приближают нас к истинному знанию. Но если бы речь шла просто об альтернативном способе познания мира, а речь идет о способе, резко сокращающем масштаб человеческих способностей, сводя их к механическим действиям, причем к этим действиям сводятся и поэзия, и философия — сферы человеческой мысли, подразумевающие сверхчувственный, трансцендентный подход. Механистический, рациональный способ взаимодействия с миром выходит на первый план, он в каком-то смысле и есть жесткая материя, скрывающая под собой огонь живого сердца. Но осознание хотя бы гипотетической возможности иного способа жизни, а именно через живое чувство, делает ощущение скованности, закрытости от света не абсолютным и безнадежным, а позволяет начать поиски путей преодоления этой косности, то есть путей открытия сердца. Именно это и занимает будущего писателя.

3. Человек есть тайна

Можно предположить, что спустя год Достоевский нащупывает реальный путь преодоления косной материи. Обратим внимание на название работы Карла Эккартсгаузена «Облако над святилищем», так как этот образ, видимо, мог быть неким общим местом для описания духовной задачи человека. Так его использует Бальзак в своем романе «Серафита», о котором немного подробней мы поговорим ниже, но смысл используемого им образа вполне ясен: облако — это та материя, частью которой является наш рациональный ум и которая скрывает от людей истинный свет: *Слышите эту истину? ваши самые точные науки, ваши самые смелые раз-*

мышления, ваши самые красивые разъяснения — это облака. Наверху — святилище, из которого исходит настоящий свет [Balzac]. Эккартсгаузен же предлагает совсем иную глубину понимания, он утверждает, что облака — это наша немощь, покрывающая святилище: «Сия наша немощь есть Облако, покрывающее Святилище; она есть завеса, заграждающая вход во Святая Святых» [Эккартсгаузен, 1804, с. 54—55]). Мы привыкли называть тайной то, что окутывает Бога, является его частью, но, по мнению философа, у Бога не может быть тайн, ему просто незачем и не перед кем таиться. Тайна же на самом деле — это наша собственная немощь, то есть неспособность вынести истинный свет святилища. При таком понимании этого образа тут же проясняется местоположение святилища. Учитывая, что задача человека развить свой внутренний орган света, а облака — это немощь, оказывается, что святилище — это наше сердце, скованное немощной оболочкой, разрушив, а точнее — преобразив которую, можно получить доступ к истинному свету.

Теперь приведем одну из самых известных цитат Достоевского, на основании которой строятся многие теории его творчества: *Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком* [Достоевский, 1985, т. 28, с. 63]. Эта фраза написана молодым Достоевским спустя год после его рассуждений об устройстве этого мира и необходимости преодоления его косной оболочки и за многие годы до создания великих романов. Что значит *человек есть тайна* и что значит разгадать ее? Если учесть приведённое выше мистическое понимание задачи человека в мире, а также трактовку понятия «тайна», то разгадать тайну — значит за немощью разглядеть свет и найти пути для его проявления. Эккартсгаузен так описывает человека, в котором разгорелся свет: «В ком разгорелось сие священное пламя, тот истинно счастлив, всем доволен, и в неволе счастлив. Он видит причину человеческих развратов и знает их неизбежность <…> чувствует, что при всей испорченности, в целом ничто еще не испорчено …» [Эккартсгаузен, 1801, с. 54—55]. Предложенное понимание тайны и описание человека, нашедшего свой огонь, абсолютно точно совпадают со способом, каким Достоевский будет вглядываться в людей, о чем много лет спустя расскажет в «Дневнике писателя». Приведем вот такой фрагмент: *Я вот, например, написал в январском номере «Дневника», что народ наш груб и невежествен, предан мраку и разврату, «варвар, ждущий света». А между тем я только что прочел в «Братской помочи» (сборник, изданный Славянским комитетом в пользу дерущихся за свою свободу славян), — в статье незабвенного и дорогого всем русским*

покойного Константина Аксакова, что русский народ — давно уже просвещен и «образован». Что же? Смутился ли я от такого, по-видимому, разногласия моего с мнением Константина Аксакова? Нисколько, я вполне разделяю это же самое мнение, горячо и давно ему сочувствую. Как же я соглашаю такое противоречие? Но в том и дело, что, по-моему, это очень легко согласить, а по другим, к удивлению моему, до сих пор обе эти темы несогласимы. В русском человеке из простонародья нужно уметь отвлекать красоту его от наносного варварства. Обстоятельствами всей почти русской истории народ наш до того был предан разврату и до того был развращаем, соблазняем и постоянно мучим, что еще удивительно, как он дожил, сохранив человеческий образ, а не то что сохранив красоту его. Но он сохранил и красоту своего образа [Достоевский, 1981, т. 22, с. 42—43]. Вот как мысль писателя поясняет Т. А. Касаткина: «Мы видим здесь даже не двух-, а трехсоставный образ. Если идти с поверхности в глубину, он описывается так: наносное варварство — человеческий образ — красота этого образа. И то, какой уровень мы видим, зависит, по отчетливо высказанному здесь мнению Достоевского, от нашего собственного внутреннего устроения: “Кто истинный друг человечества, у кого хоть раз билось сердце по страданиям народа, тот поймет и извинит всю непроходимую наносную грязь, в которую погружен народ наш, и сумеет отыскать в этой грязи бриллианты” [Достоевский 1972—1990: XXII, 43]» [Касаткина, 2018, с. 15—16].

4. Роль поэта в преодолении косности материального мира

Как уже было сказано, образ облаков, скрывающих святилище, использовал в своем творчестве и Бальзак. Так, одна из глав его романа «Серафита» носит схожее название — «Les nuées du sanctuaire» (которое в русском традиционном переводе звучит как «Тучи над святилищем», более точный вариант — «Облака святилища»). Собственно, весь роман повествует читателю о способах преображения человека и соединения его с Божеством. При этом центральный образ романа — это переход от зимы, сковавшей все льдом, к весне, вскрывающей эти льды бурным течением рек. То есть весь роман посвящен возможности взрыва, преодоления ледяной косности. Но вернемся к упомянутой главе, которую можно назвать центральной, так как именно в ней главная героиня Серафита-Серафитус излагает свое «учение», при этом разбивая доводы гостей, пришедших с предвзятым отношением и недоверием к ней. Во многом ее речь строится на обличении современной науки, которая через мнимое знание стремится постичь мир, в то время как откровение и вера дают доступ к истинному

знанию. Мы вспомнили здесь о романе «Серафита», так как он очень важен для понимания творчества Бальзака 30-х годов, а также он может пролить свет на то, почему «закоренелый реалист» Бальзак был столь ценим Достоевским. В посвящении к роману «Серафита» Бальзак сообщает, что пишет о самом сокровенном и важном, что предназначено для мыслящих людей, предпочитающих тишину светской суете. Роман был написан сразу после «Евгении Гранде» — это произведения одного периода, одного направления мысли. Здесь же мы хотим обратить внимание на очень важное место в романе, которое, очевидно, нашло отклик у Достоевского.

Как известно, Достоевский переводил первый варианта романа «Евгения Гранде» 1833 года. В более поздней редакции Бальзак исключает предисловие и послесловие, а также вносит ряд изменений в сам текст. В перевод Достоевского также не вошли предисловие и послесловие (скорее всего, по причине цензуры, так как отдельные фразы в переводе остались, и заметно влияние идей, высказанных Бальзаком в этих двух частях текста, на перевод), но в том, что он был знаком с ними, сомнений нет. Именно в этих частях текста с наибольшей очевидностью изложена метафизическая идея романа, которая для большинства последующих читателей и исследователей была потеряна.

В предисловии автор сожалеет о том, что большинство современных ему писателей уделяют недостаточное внимание провинциальной жизни, где на самом деле можно найти настоящую сокровищницу человеческих душ. В отличие же от этих писателей автор «Евгении Гранде» не ищет легких путей. Вот как он описывает свой творческий процесс: *Сегодня бедный художник схватил только одну из этих белых нитей, пускаемых по воздуху ветерком, с которыми забавляются дети, молодые девушки и поэты; о которых вряд ли заботятся ученые, но которые, как говорят, бросает со своего веретена небесный прядильщик. Поостерегитесь! В этой сельской традиции есть мораль. Вам покажут, как в пору расцвета жизни некоторые иллюзии белой надежды, посеребренные нити, спускаются с небес и возвращаются туда, не коснувшись земли* [Balzac, 1833][1]. О чем эта фраза? Что за нити? И почему ими забавляются только дети, женщины и поэты? Далее в тексте автор к этому образу не возвращается. Видимо, для него это что-то очевидное, не требующее дополнительных пояснений, а главное — открывающее необходимое поле смыслов для понимания дальнейшего повествования. Возможно, эта фраза кажется непонятной из-за того, что не вписывается в столь привычное восприятие романа как

[1] Перевод наш. — Т. М.-И.

воплощения «реализма». Но если отвлечься от нагромождения ожиданий, то она становится вполне ясной. Белые нити бросает на землю небесный прядильщик, то есть это некие чистые отголоски неба, посланные Богом. Но ловят их только дети, женщины и поэты. Что их объединяет и в то же время противопоставляет ученым, которым эти частицы неба даже не интересны? Рискнем предположить, что дети, женщины и поэты воспринимают мир через чувство, в то время как ученые — через разум. Бальзак не был в стороне от темы познания, волновавшей и молодого Достоевского. Главный герой «Серафиты» прямо говорит, что если бы целью этого мира была бы наука, то Моисей принес бы людям дифференциальное исчисление, а не десять заповедей. В послесловии к «Евгении Гранде» Бальзак говорит о женщине как о существе, непосредственно соединенном с Богом. Женщина для него представляется венцом творения, так как Бог создал ее последней, *не из изначального гранита, ставшего мягкой глиной под пальцами Бога, а из стороны мужчины, материала гибкого и пластичного, она переходное создание между ангелом и мужчиной. Вы видите ее сильной, как мужчина силен, и нежно умной своим чувством (истинный ум сердца), как ангел* [Ibid.]. Таким образом, перед нами очерчен круг тех, кто имеет непосредственный доступ к небу, тех, кто способен пробиться через косность материи. Именно женщины и дети в произведениях Достоевского будут наиболее очевидно обнаруживать в себе божественное начало. И, конечно, особая роль отведена поэту.

Об этой роли поэта много размышляет молодой Достоевский уже в упомянутых письмах. Вот цитата, ранее пропущенная нами: *Заметь, что поэт в порыве вдохновенья разгадывает Бога, след<овательно>, исполняет назначенье философии. След<овательно>, поэтический восторг есть восторг философии ... След<овательно>, философия есть та же поэзия, только высший градус ее!..* [Достоевский, 1985, т. 28, с. 52]. А вот цитата из письма, написанного несколькими месяцами позже: *Но одно помышленье о том, что некогда вслед за твоим былым восторгом вырвется из праха душа чистая, возвышенно-прекрасная, мысль, что вдохновенье как таинство небесное освятит страницы, над которыми плакал ты и будет плакать потомство ...* [Там же, т. 28, с. 53]. Поэт оказывается тем, кто своим вдохновением, которое оказывается в свою очередь небесным откровением, способен взломать кору этого мира и выпустить душу, то есть познать Бога. И главная его опция — это дать другим возможность пройти вслед за ним. Искать пути преодоления материи — это миссия поэта.

Именно с этой идеей Достоевский пишет свой первый роман. Вот эпиграф к нему: *Ох уж эти мне сказочники! Нет чтобы написать что-нибудь*

полезное, приятное, усладительное, а то всю подноготную в земле вырывают!.. Вот уж запретил бы им писать! Ну, на что это похоже: читаешь ... невольно задумаешься, — а там всякая дребедень и пойдет в голову; право бы, запретил им писать; так-таки просто вовсе бы запретил [Достоевский, 1972, т. 1, с. 13]. Эпиграф — это зерно смысла, которое положено в основу произведения, то задание, которое ставит перед собой автор, принимаясь за произведение. Этот эпиграф взят, как известно, из рассказа Одоевского «Живой мертвец». Герой рассказа после прочтения фантастической сказки видит сон, который истолковывает как собственную смерть, в которой он, будучи призраком и летая по миру, осознает масштаб своих казалось бы мелких прегрешений и, главное, начинает раскаиваться в них. Проснувшись, он отмахивается от сна и перекладывает ответственность за свое прозрение на сказочников. То есть в этом рассказе нам показана та самая роль поэта — пробуждать людей к истинной жизни. Для Достоевского это заветная идея, именно поэтому его первый роман столь «литературен», именно поэтому Макар Девушкин на протяжении всего романа ищет свой слог, как залог обретения себя. В рамках этой работы мы не будем анализировать «Бедных людей», к тому же эта тема подробно раскрыта в лекциях Т. А. Касаткиной.

Мы очертили круг тем, наиболее важных для молодого Достоевского, которые можно, объединив, обозначить как *поиски путей преодоления косности этого мира*. Именно эти темы находил он у мыслителей и писателей своей эпохи, их он обсуждал с братом, с ними вошел в литературную жизнь как переводчик и как писатель.

Источники

1. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. — Ленинград : Наука, 1972—1990. — Т. 1 — 519 с. ; Т. 22. — 407 с. ; Т. 28. — 616 с.

2. *Balzac H. de.* Scènes de la vie de province. Eugénie Grandet. 1833 [Electronic resource] / H. De Balzac. — Access mode : http://www.debalzac.com/grandet.pdf.

3. *Balzac H. de.* Séraphita // La bibliotheque électronique du Québec [Electronic resource] / H. De Balzac. — Access mode : https://beq.ebooksgratuits.com/balzac/Balzac-86.pdf.

Литература

1. *Бердяев Н. А.* Русская идея. Миросозерцание Достоевского / Н. Бердяев. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 512 с.

2. *Евтушенко Э. А.* Мистический сюжет в творчестве Ф. М. Достоевского : диссертация … кандидата филологических наук : 10.01.01 / Э. А. Евтушенко. — Уфа, 2002. — 236 с.

3. *Есаулов И. А.* Пасхальный архетип в поэтике Достоевского / И. А. Есаулов // Евагельский текст в русской литературе XVIII — XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр : сборник статей. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1998. — Выпуск 2. — С. 349—362.

5. *Иванов. Вяч. И.* Собрание сочинений / Вяч. И. Иванов. — Bruxelles : Foyer Oriental Chretien, 1987. — Т. 4. — 800 с.

6. *Тихомирова Б. Н.* «… Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» : Статьи и эссе о Достоевском / Б. Н. Тихомирова. — Санкт-Петербург : Серебряный век, 2012. — 503 с.

7. *Касаткина Т. А.* Священное в повседневном : двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского / Т. А. Касаткина. — Москва : ИМЛИ РАН, 2015. — 528 с.

8. *Касаткина Т. А.* Смысл искусства и способ богословствования Достоевского : «Мужик Марей» : контекстный анализ и пристальное чтение / Т. А. Касаткина // Достоевский и мировая культура. — 2018. — № 3. — С. 12—31.

9. *Магарил-Ильяева Т. Г.* Комическое как особое положение героев в пространстве в ранней прозе Ф. М. Достоевского // Научный диалог. — 2017. — № 9. — С. 94—106. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-9-94-106.

10. *Мережковский Д. С.* Л. Толстой и Достоевский / изд. подг. Е. А. Андрушенко / Д. С. Мережковский. — Москва : Наука, 2000. — 588 с.

11. *Милош Ч.* Достоевский и Сведенборг / Ч. Милош // Иностранная литература. — 1992. — № 8—9. — С. 289—296.

12. *Соловьев В. С.* Сочинения в двух томах / В. С. Соловьёв. — Москва : Мысль, 1988. — Т. 2. — С. 190—323.

13. *Степанян К. А.* Явление и диалог в романах Ф. М. Достоевского / К. А. Степанян. — Санкт-Петербург : Крига, 2010. — 400 с.

14. *Эккартсгаузен К.* Облако над святилищем / К. Эккартсгаузен. — Санкт-Петербург : Императорская типография, 1804. — 155 с.

Search for Ways to Overcome the Rigid Shell of the World in Early Texts by F. M. Dostoevsky[1]

© Tatyana G. Magaril-Ilyaeva (2019), orcid.org/0000-0001-7521-1898, research scientist, Research Centre "F. M. Dostoevsky and World Culture," A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), vutka@yandex.ru.

The topics raised by young F. M. Dostoevsky in his correspondence of 1838—1839 with his brother Mikhail are considered. The author dwells on the fact that these letters discursively express the central theme of the early work of the writer — the search for ways to overcome the rigid shell of the world. Dostoevsky's reflections on the world around him

[1] The study is financially supported by RFBR within the scientific project 18-012-90023.

as a world bound by a rigid shell of matter that does not allow the true divine light to pass through and does not allow a person to connect with this light are given. It is noted that this understanding of the world order correlates with the central philosophical ideas of the time, Dostoevsky shares the views of thinkers of his era, who chose the path of spiritual search as opposed to positivist knowledge. It is emphasized that Dostoevsky took the position of those thinkers who believe the true knowledge is not in the mind, but through feelings, that is, through the heart. This explains one of the central motives of Dostoevsky' early work — the theme of the living heart. Also, the author refers to the letters and to some fragments of Dostoevsky's translation of Balzac's "Eugenia Grande" to show Dostoevsky's understanding of the poet's role: the poet's inspiration turns out to be akin to a heavenly revelation that breaks through rigid matter and connects man with God.

Key words: F. M. Dostoevsky's early works; F. M. Dostoevsky's letters; overcoming the rigid shell of the world; theme of the heart; man is a mystery; Karl Eckartshausen.

Material resources

Balzac, H. de. (1833). *Scènes de la vie de province. Eugénie Grandet*. Available at: http://www.debalzac.com/grandet.pdf. (In French).

Balzac, H. de. Séraphita. In: *La bibliotheque électronique du Québec*. Available at: https://beq.ebooksgratuits.com/balzac/Balzac-86.pdf. (In French).

Dostoyevskiy, F. M. (1972—1990). *Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 t., 1, 22, 28.* Leningrad: Nauka. (In Russ.).

References

Berdyayev, N. A. (2016). *Russkaya ideya. Mirosozertsaniye Dostoevskogo*. Moskva: Izdatelstvo «E». (In Russ.).

Ekkartsgauzen, K. (1804). *Oblako nad svyatilishchem*. Sankt-Peterburg: Imperatorskaya tipografiya. (In Russ.).

Esaulov, I. A. (1998). Paskhalnyy arkhetip v poetike Dostoyevskogo. In: *Evagelskiy tekst v russkoy literature XVIII — XX vekov. Tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr: sbornik statey, 2.* Petrozavodsk. 349—362. (In Russ.).

Evtushenko, E. A. (2002). *Misticheskiy syuzhet v tvorchestve F. M. Dostoyevskogo: dissertatsiya … kandidata filologicheskikh nauk*. Ufa. (In Russ.).

Ivanov, Vyach. I. (1987). *Sobraniye sochineniy*, *4*. Bruxelles: Foyer Oriental Chretien. (In Russ.).

Kasatkina, T. A. (2015). *Svyashchennoye v povsednevnom: dvusostavnyy obraz v proizvedeniyakh F. M. Dostoyevskogo*. Moskva: IMLI RAN. (In Russ.).

Kasatkina, T. A. (2018). Smysl iskusstva i sposob bogoslovstvovaniya Dostoyevskogo: «Muzhik Marey»: kontekstnyy analiz i pristalnoye chteniye. *Dostoevskiy i mirovaya kultura, 3:* 12—31. (In Russ.).

Magaril-Ilyaeva, T. G. (2017). "Comic" as Peculiar Situation for a Hero in F. M. Dostoevsky's Early Prose. *Nauchnyi dialog, 9:* 94—106. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-9-94-106. (In Russ.).

Merezhkovskiy, D. S. (2000). *L. Tolstoy i Dostoyevskiy*. Moskva: Nauka. (In Russ.).

Milosh, Ch. (1992). Dostoyevskiy i Svedenborg. *Inostrannaya literatura, 8—9:* 289—296. (In Russ.).

Solovyev, V. S. (1988). *Sochineniya v dvukh tomakh, 2*. Moskva: Mysl'. 190—323. (In Russ.).

Stepanyan, K. A. (2010). *Yavleniye i dialog v romanakh F. M. Dostoyevskogo*. Sankt-Peterburg: Kriga. (In Russ.).

Tikhomirova, B. N. (2012). *«... Ya zanimayus' etoy taynoy, ibo khochu byt' chelovekom»: Statyi i esse o Dostoyevskom*. Sankt-Peterburg: Serebryanyy vek. (In Russ.).